

Примечания

1. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. СПб.: Алетейя, 2001. 384 с.
2. Городецкий С. М. М. Зенкевич. «Дикая порфира» // Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О. А. Лекманов и А. А. Чабан. СПб.: Гуманитарная Академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 61–62.
3. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. 502 с.
4. Зенкевич М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-пресс, 1994. 688 с.
5. Зорина Т. С. Рим Н. С. Гумилева // Гумилевские чтения. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 157–169.
6. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; Нестор-История, 2011. 456 с.
7. Кихней Л. Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М.: МАКС-пресс, 2001. 183 с.
8. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Золотой век, 1995. 398 с.
9. Лекманов О. А. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. М.: Intrada, 2006. 124 с.
10. Малкина В. Я. К проблеме определения лирического сюжета // Вестник РГГУ. Сер.: Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. № 2 (45). М.: РГГУ, 2010. С. 11–14.
11. Полтаробатько Е. Д. Природа и культура в русском постсимволизме: телесный код в поэзии М. Зенкевича // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 3. С. 11–16.
12. Пшыбыльский Р. Рим Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность. М., 1995. С. 33–64.
13. Чеснялис П. А. Эстетика и поэтика адамизма в ранней лирике В. Нарбута и М. Зенкевича: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: НГПУ, 2015. 149 с.

Д. Н. Черниговский (г. Киров)

Об изучении психологии личности А. С. Пушкина в литературоведении русского Зарубежья в 1920-е годы

В статье рассматриваются созданные в эмиграции в 1920-е годы работы русских литературоведов, посвященные изучению психологии личности А. С. Пушкина.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, психология личности, М. Л. Гофман, Н. А. Котляревский, В. Ф. Ходасевич

Проблема изучения психологии личности Пушкина, а также психологии его творческого процесса вызывала большой интерес у пушкинистов-эмигрантов в 1920-е годы. По-видимому, первым в Зарубежье к изучению этой проблематики обратился В. Ф. Ходасевич в книге «Поэтическое хозяйство Пушкина», опубликованной в 1923–1925 гг. в берлинском журна-

ле «Беседа» и отдельным изданием в Ленинграде в 1924 г. Эта работа, посвященная анализу самоповторений в пушкинских текстах, была сводом материалов к исследованию психологии творчества поэта. В силу указанного обстоятельства книга Ходасевича имела косвенное отношение и к проблеме психологии пушкинской личности. В частности, данная работа исследователя наметила совершенно новый путь изучения личностного своеобразия поэта – с помощью анализа его творческой памяти. Личность Пушкина, по мысли Ходасевича, должна была раскрыться определенным образом в ходе выявления привязанности поэта к повторяющимся в его творчестве идеям, темам, образам, «сопоставлениям, звуковым и ритмическим рядам, эпитетам, рифмам и т. д.» [1]. «Каждая группа таких автореминисценций, – пишет исследователь, – выявляет какую-нибудь сторону в личности и творчестве Пушкина, освещает частность мало известную или незамеченную вовсе. Самоповторения у художника не случайны, не могут быть случайны. Каждое вскрытое пристрастие – к теме, к приему, даже к слову, – лишняя черта в образе самого художника. Черта тем более достоверная, чем упорнее высказано пристрастие... Изучение автореминисценций может оказаться полезным в разных областях пушкиноведения: в изучении пушкинской поэтики, стилистики, биографии, в вопросах об авторстве пьес, даже в датировке их. Но всего больше даст оно тому, кто интересуется психологией пушкинского творчества» [2].

К сожалению, собранный исследователем богатый фактический материал о самоповторениях у Пушкина лишь в незначительной степени был им использован для реконструкции личностной индивидуальности поэта. Таким образом, Ходасевич провел лишь подготовительную работу для изучения пушкинской личности, не сумев должным образом осмыслить этот фактический материал и использовать его в биографических целях. Отметим, однако, что сказанное не относится к главам «Поэтического хозяйства Пушкина», посвященным разбору «Скупого рыцаря» и «Русалки». Проведенный Ходасевичем анализ указанных произведений демонстрирует продуктивность изучения пушкинских автореминисценций для реконструкции духовной биографии поэта и для исследования психологии его личности. Важно отметить здесь то обстоятельство, что Ходасевич в названных произведениях, не ссылаясь на Фрейда, но, по сути, с позиций, близких фрейдизму, попытался доказать, что своими творческими созданиями Пушкин подчас корректировал собственное реальное жизненное поведение, решая в художественных текстах неразрешимые в действительности проблемы. Например, поэт заставлял своих персонажей совершать греховные поступки, которые ощущал как собственные грехи, и в виде покаяния подвергал литературных героев-грешников, например, Альбера из «Скупого рыцаря» и князя из «Русалки», каре, заслуженной, как ему казалось, им самим.

Книга Ходасевича подверглась в Зарубежье и в СССР критике за попытку восстановления «белых пятен» реальной биографии поэта с помощью его произведений [3]. Переиздавая в 1937 г. «Поэтическое хозяйство» под

другим названием («О Пушкине»), Ходасевич отказался от перепечатки глав, посвященных «Русалке» и «Скупому рыцарю». Тем самым исследователь отказался и практически и теоретически (если иметь в виду теоретико-методологическое предисловие ко второму изданию своей книги) от весьма плодотворного направления в своих изысканиях – от воссоздания духовной биографии поэта и от изучения психологии его личности. К сожалению, после смерти Ходасевича (в 1938 г.) его опыт в данном отношении не был продолжен.

Следующая попытка реконструкции психологического облика великого поэта в Зарубежье была осуществлена в 1925 г. в книге академика Н. А. Котляревского «Пушкин как историческая личность». Хотя к моменту выхода в свет этой книги ее автор уже вернулся из эмиграции на родину, данный труд все-таки можно расценивать как феномен эмигрантского пушкиноведения. И дело здесь не только в том, что книга Котляревского была опубликована в Берлине, а в том, что обнаруженное в ней понимание личности и творчества Пушкина было неприемлемым для идеологизирующегося советского литературоведения. Неприемлемой была, например, трактовка Пушкина как религиозного человека, любившего свободу вне каких-либо политических установок, далекого от идеалов классовой борьбы.

Проблеме психологии личности поэта посвящена четвертая глава книги, которая имеет заглавие: «Темперамент и основная черта характера». В этой главе Котляревский мотивировал необходимость изучения своеобразия личности великого поэта следующим утверждением: «Поэзия Пушкина не заслоняет собой его личности» [4]. Данное утверждение, было полемическим выпадом против М. Л. Гофмана, который в 1922 г., критикуя биографизм как господствующее направление в академическом пушкиноведении, писал: «В любом комментированном издании сочинений Пушкина реально-бытовой комментарий подавляет своим обилием, биография доминирует над творчеством, Пушкин-человек заслоняет собой Пушкина-поэта...» [5]. Котляревский, не будучи ревностным приверженцем биографизма, тем не менее стоял на иной точке зрения, стараясь показать в своей книге Пушкина именно как личность, интересную не только своим гениальным творчеством и почетным местом в истории культуры, но и индивидуальными духовными и физическими качествами, системой взглядов на мир, манерой держаться в обществе, общаться с друзьями и недругами и т. д.

Несмотря на использование психологической терминологии, указанную главу из книги Котляревского нельзя считать специальным исследованием обозначенной в ней проблемы. Дело в том, что данная глава (и этим она ничем не отличается от других глав книги) представляет собой скорее изящное, но не очень глубокое эссе критика, нежели основательное исследование ученого. Вот какие черты, с точки зрения Котляревского, были присущи личности Пушкина: «откровенность, прямодушие, смелость, сознание своего достоинства и силы, страстность в проявлении многих чувств... К этим чертам надо добавить еще большое добродушие» [6]. Дав определение личностного своеобразия Пушкина, Котляревский пытается доказать его

справедливость, разбирая отношение поэта к браку, дружбе, карточной игре, дуэлям. Ценность рассуждений Котляревского по данному поводу заключается в понимании ученым того, что Пушкин был велик не только как писатель, но и как человек, чья жизнь явилась таким же фактом его творчества, как и написанные им литературные произведения. Не случайно поэтому, что личностному своеобразию Пушкина Котляревский приписывает историческое значение: «Сознание своего достоинства, как независимой, смелой, правдивой и свободной личности было... большой его заслугой перед родиной, заслугой и писателя и гражданина» [7].

Между тем, отказавшись от специализированного подхода к изучению личности Пушкина, Котляревский совершенно пренебрегает посвященными данной проблеме психологическими исследованиями специалистов, во всяком случае, он не ссылается ни на одно из них. Например, замечание ученого о том, что «всех дедовских черт Пушкин, к счастью, не унаследовал, но некоторые из них сказались – на его вспыльчивости и ревности» [8], после работ Д. Н. Анучина, И. В. Сикорского выглядит при всей его справедливости неосновательным [9].

Причиной указанной неосновательности, примеры которой можно продолжить, по нашему мнению, является следующее обстоятельство. Стремясь представить свой труд как некий итог развития пушкиноведения старой, цивилизованной России, автор сознательно избегает тщательной фактографии и прибегает, с одной стороны, к популяризации излагаемого материала, а с другой стороны – к масштабным обобщениям. Таким образом, читателю предлагается не объективная и детальная реконструкция психической жизни поэта, а субъективный и лишенный конкретики взгляд на своеобразие его личности, которая рассмотрена в книге хоть и с позиций историзма, но в большей мере с этической, нежели со специально-психологической точки зрения.

В 1928 г. в Париже выходит в свет книга М. Л. Гофмана «Пушкин. Психология творчества» – первая послереволюционная монография, посвященная данной проблеме. К сожалению, проблема психологии пушкинской личности была лишь вскользь затронута в этой книге. Вызвано это было, как нам представляется, тем, что данная работа Гофмана явилась результатом его полемики с биографической школой. Уже в главе «Жизнь и творчество» (первой по счету в его книге) исследователь писал о том, что он «не согласен с анализом произведений Пушкина с точки зрения того, как в них отразилась жизнь Пушкина (ибо это значило бы неизмеримо большее – поэта – заменять меньшим – человеком), и еще более не согласен с логическим прыжком из этих положений к признанию автобиографичности или автографичности творчества Пушкина» [10]. Очевидно, что процитированные строки, с одной стороны, были ответом на вышеприведенную мысль Н. А. Котляревского о самодовлеющей значимости изучения личности великого поэта. С другой стороны, цитата из книги Гофмана была направлена в адрес постоянного его оппонента В. Ф. Ходасевича, несколькими годами ранее в книге «Поэтиче-

ское хозяйство Пушкина» обнародовавшего результаты разработанной им новой методологии изучения биографии поэта.

Отрицая в первой главе своей книги автобиографичность пушкинских произведений, Гофман выводит вопросы биографии поэта за рамки изучения психологии его творческого процесса. Правда, в этой же главе ученый предлагает новаторскую периодизацию пушкинской биографии и, стало быть, проявляет определенный интерес к жизнеописанию поэта. Однако нужно иметь в виду, что новизна этой периодизации заключается как раз в том, что она подразделяет на отрезки не реальную, а только творческую биографию Пушкина, вехами для которой становятся не поворотные события его жизни, а художественные свершения [11]. Таким образом, Гофман рассматривает личность Пушкина только в аспекте ее творческого бытия, совершенно не интересуясь ее иными – например, бытовыми – проявлениями.

Особенностью книги Гофмана является занятая автором позиция первопроходца, который исследует избранную им проблему как бы на пустом месте, не имея предшественников. Как это ни удивительно, но Гофман написал книгу о психологии пушкинского творчества, не упомянув в ней ни одной из существовавших тогда теорий психологии творчества и не назвав ни одного литературоведа или психолога, изучавших Пушкина в данном аспекте. Нам трудно сказать, чем руководствовался исследователь, пытаясь представить себя пионером в указанной отрасли пушкиноведения, поскольку, например, труды Д. Н. Овсяннико-Куликовского на эту тему были хорошо известны как в русском Зарубежье, так и в СССР.

Отмеченная особенность книги Гофмана привлекла внимание Т. В. Кондратьевой, которая в своей кандидатской диссертации «Русская зарубежная пушкинистика 1920-х годов» (1998) так объясняет ее причину: «Гофман пишет психологию творчества, понимая под этим нечто свое, поэтому мы не находим упоминаний психологических теорий в его труде. Все они имеют дело с психикой реального человека, а Гофман описывает процессы, которые, с его точки зрения, происходят в особом состоянии, в отрешении от обыденного и просто человеческого» [12].

Однако такое объяснение представляется нам не слишком убедительным, поскольку всякий, не только пушкинский, акт поэтического творчества, с психологической точки зрения, является процессом, происходящим «в особом состоянии, в отрешении от обыденного». Думается, что Кондратьева напрасно приписывает Гофману толкование пушкинского творчества как оторванного от жизни, нечеловеческого, ибо этот исследователь подчеркивает: «Пушкин всегда исходит от жизни, от впечатлений жизни...» [13].

На наш взгляд, Гофман в рассматриваемой монографии понимает существо психологии творчества как науки вполне традиционно, в соответствии с принципами, выработанными психологическим направлением в литературоведении. При этом исследователь, абсолютно не приемля такие модные в то время жанры психологической литературы, как психоаналитический очерк и патография, характеризует личность Пушкина-художника в своей работе только с помощью средств классической экспериментальной психологии.

Вполне традиционен, таким образом, не только арсенал исследовательских приемов ученого, но и тот круг проблем, к которому он обращается в своей работе. Это проблемы соотношения в пушкинском творчестве жизни и вымысла, постоянного труда и вдохновения, специфика творческой памяти поэта. В итоге своего исследования Гофман пришел к следующим результатам.

Во-первых, он сделал попытку проникнуть в механизм отражения в творчестве поэта реальных жизненных впечатлений. Не сославшись, правда, на приоритет Овсяннико-Куликовского и Вересаева, он писал о том, что Пушкин никогда непосредственно не откликался на впечатления жизни, а с некоторым временным интервалом и в измененном виде поэтически пересоздавал их в своих произведениях [14].

Во-вторых, будучи блестящим текстологом, Гофман тщательно изучил технику работы Пушкина над черновиками и пришел к выводу, что часто посещавшее поэта вдохновение органично сочеталось в его творческой практике с постоянным трудом. Ценность данного раздела гофмановской книги заключается в том, что эту априорно уже давно известную знатокам Пушкина мысль он подкрепил доказательной научной аргументацией.

В-третьих, Гофман попытался определить специфику творческой памяти поэта. Посвященная этой проблеме 3-я глава книги, самая объемная, была написана в порядке полемики с «Поэтическим хозяйством Пушкина» В. Ф. Ходасевича. По сравнению со своим предшественником, Гофман значительно расширил круг пушкинских самоповторений. Также, в отличие от Ходасевича, собравшего «большой интересный, но беспорядочный материал» [15], Гофман разработал аргументированную классификацию самоповторений Пушкина. Данная классификация, однако, не была безукоризненной и вызвала критические отзывы. Например, В. В. Вейдле, друг и единомышленник Ходасевича, оценил ее как бессмысленную и бесполезную: «Разнообразные данные, извлекаемые г. Гофманом из материала, изученного им (имеются в виду пушкинские самоповторения. – Д. Ч.), могли бы быть использованы по-разному, но нам из его книги неясно, как он собирается использовать их и для чего он их извлекает. Неизвестно, что он изучает в Пушкине, *что* он хочет своими выкладками доказать; неизвестно даже, *что* его собственно интересует» [16].

Несмотря на недостатки гофмановской классификации, Ходасевич учел ее в предисловии ко второму измененному изданию «Поэтического хозяйства Пушкина» (вышедшему под названием «О Пушкине») [17]. Например, он отказался в этом предисловии (на наш взгляд, совершенно напрасно) от мысли о биографическом значении некоторых самоповторений поэта.

Изыскания Гофмана, опубликованные в рассматриваемой книге, как видим, очень не много дали для изучения психологии личности Пушкина в целом. Тем не менее творческая сторона личности великого поэта получила в этом труде определенное освещение. Вот умозаключения Гофмана на этот счет: «Пушкин обладал чрезвычайно развитой, богатой памятью, причем эта память может быть названа по преимуществу творческой, так как память о

прошлом творила новые художественные образы, связанные с прежде созданными... Пушкин обладал исключительно богатым творческим воображением, его мышление было по преимуществу конкретно-образным... Приемы художественного творчества Пушкина связаны как с поэтической традицией и поэтической фразеологией его эпохи, так и с его личными, индивидуальными и субъективными впечатлениями и переживаниями. Творчество Пушкина, не являясь художественной автобиографией, неразрывно связано с его жизнью» [18].

Определенным образом характеризует личность Пушкина-творца и указание Гофмана на то, что часто испытываемое поэтом состояние вдохновения не исключало с его стороны постоянного, упорного труда. Исследователь подчеркивал первостепенную важность этого элемента пушкинского творческого процесса, утверждая, что он «предшествует творческому акту (вдохновению), сопутствует ему и продолжается и после того, как поэт положил на бумагу плод своего вдохновения» [19].

Очевидно, что характеристика, данная пушкинской личности Гофманом, односторонняя. Вместе с тем она была полезна как для биографов великого поэта, так и для исследователей психологии его творчества. Например, материалы и наблюдения Гофмана, опубликованные в рассмотренной монографии, были использованы во втором издании книги советского писателя Н. С. Ашукина «Живой Пушкин» (1934).

Завершая данный обзор, отметим, что пушкинистика русского Зарубежья, поставив себе целью исследовать психологию личности великого поэта, использовала приемы и средства, выработанные психологической школой в литературоведении и классической экспериментальной психологией. Вместе с тем нужно признать, что вышеназванным пушкинистам не удалось нарисовать целостную и законченную картину внутренней душевной жизни поэта и реконструировать его психический облик. Хотя надо признать, что частные наблюдения и выводы, ставшие результатом напряженных исследований в данной сфере, были весьма интересны и полезны для биографов Пушкина.

Неудача постигла исследователей психического своеобразия Пушкина в немалой степени из-за того, что ими не был усвоен урок дореволюционных пушкинистов. Заключался этот урок в осознании ущербности одностороннего подхода (только литературоведческого или только психологического) к решению указанной проблемы [20]. Те немногочисленные успехи, которые сопровождали работу по изучению психологии личности великого поэта (мы имеем в виду некоторые наблюдения и выводы М. Л. Гофмана), основывались на комплексном изучении этого аспекта пушкинской биографии.

Примечания

1. Ходасевич В. Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 3.
2. Там же.
3. Томашевский Б. В. Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина... // Русский современник. 1924. № 3. С. 262–263.

4. Котляревский Н. А. Пушкин как историческая личность. Берлин, 1925. С. 31.
5. Гофман М. Л. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Пг., 1922. С. 11.
6. Котляревский Н. А. Указ. соч. С. 31.
7. Там же. С. 36.
8. Там же. С. 32.
9. Черниговский Д. Н. Об опыте изучения личности А. С. Пушкина в психологической науке дореволюционной России // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч. журнал. Киров, 2012. № 2 (2). С. 87–90.
10. Гофман М. Л. Пушкин. Психология творчества. Париж, 1928. С. 8.
11. Там же. С. 26.
12. Кондратьева Т. В. Русская зарубежная пушкинистика 1920-х годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. С. 13.
13. Гофман М. Л. Указ. соч. С. 8.
14. Там же. С. 17–18.
15. Там же. С. 90.
16. Вейдле В. В. М. Л. Гофман. Пушкин. Психология творчества // Возрождение. 1928. № 1157. 2 авг. С. 4. См. отрицательный, но менее жесткий отзыв: Лозинский Г. Л. М. Л. Гофман. Пушкин. Психология творчества... // Звено. 1928. № 6. С. 326–330.
17. Ходасевич В. Ф. О Пушкине // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 397.
18. Гофман М. Л. Указ. соч. С. 217.
19. Там же. С. 64.
20. См.: Черниговский Д. Н. Указ. соч.